

С приближением дня зимнего солнцестояния подходил к концу и старый год. Девиз правления «Шэньчу» уходил в прошлое, уступая место новой эре «Чжаоу». Всё старое сменялось новым. Первый день первого месяца первого года Чжаоу начался под тихий, едва заметный перестук пушистого молодого снега.

Многолетние кровопролитные войны наконец прекратились. Обретя долгожданную передышку под покровом призрачного мира, простой люд Великой Юй поспешил позабыть о боли, принесённой с собой варварами-ху, и ночи напролёт праздновал то великое счастье, что им довелось пережить ещё один год.

Чжэнь Вэньцзюнь решила увлечь Вэй Тинсуй на рыночную площадь, чтобы вместе поглазеть на праздничное оживление. Им приходилось с трудом пробираться сквозь бурлящие, пестрящие нарядными шелками людские волны. Чжэнь Вэньцзюнь отчаянно оберегала Вэй Тинсуй, боясь, как бы её не затоптали в этой суматохе. Та лишь мягко ответила, что в этом нет нужды, и сама перехватила руку Чжэнь Вэньцзюнь:

- Прежде, когда мои ноги были парализованы, а Сяохуа катила моё кресло, нам было не пробиться сквозь праздную толпу, оттого в дни торжеств я терпеть не могла выходить со двора. Раз уж в этом году я наконец могу идти сама, дай мне сполна вдохнуть дух Нового года. На то оно и празднество, чтобы толкаться в толпе. В этой суматохе и кроется вся атмосфера.

- Хорошо-хорошо, тогда идём вперёд. Только держись за меня крепче, если потеряешься в такой давке, мне тебя ни за что не отыскать.

- Шестнадцать теневых стражей следят за нами прямо с крыш, как же я могу потеряться?

От этих слов Чжэнь Вэньцзюнь лишь безмолвно открыла рот. Вэй Тинсуй в любые моменты оставалась пугающе рассудительной. Порой, стоило Чжэнь Вэньцзюнь завести речь о нежных чувствах, как спутница в то же мгновение безжалостно рушила всю романтику. Спрашивается, какая любящая пара обходится без ласковой чепухи? Ведь в таких речах главное излить чувства, а вовсе не безупречная логика.

Чжэнь Вэньцзюнь лишь обречённо покачала головой и пожала плечами: оставалось смириться. Мало того что над ними кружили теневые стражи, так ещё и Сяохуа неотлучно следовала позади всего в трёх шагах. Со стороны могло показаться, будто они вдвоём выбрались на прогулку, чтобы прикупить милых сердцу вещиц, но на деле за ними следили больше десятка пар зорких глаз.

Похоже, единственными местами во всём мире, где их никто не смел тревожить, оставались лишь винный погреб да личные покои Вэй Тинсуй.

Удерживая её за руку, Чжэнь Вэньцзюнь увлекла её за собой сквозь бурлящий людской поток.

Тут она заметила, что макушка Вэй Тинсуй едва достаёт ей до бровей. К тому же самой Чжэнь Вэньцзюнь в наступившем году исполнялось всего восемнадцать, и у неё ещё оставался шанс подрасти, тогда как Вэй Тинсуй уже разменяла двадцать второй год, и надеяться на прибавку в росте ей больше не приходилось. Чжэнь Вэньцзюнь ужасно этим гордилась и вышагивала подле неё с самым победоносным видом.

Взгляд Вэй Тинсуй порой задерживался на разложенных вокруг диковинных безделушках, но то был лишь мимолётный интерес, она не спешила подходить ближе, чтобы купить их. Она шла, созерцая мир вокруг, и чаще всего провожала вещи безразличным взором.

– Неужели тебе ничего не приглянулось? – спросила Чжэнь Вэньцзюнь, легонько встряхнув увесистый кошель на поясе. – Я ведь прихватила с собой все свои тайные сбережения. Тинской, не скромничай, я куплю тебе всё, чего твоя душа ни пожелает.

Вэй Тинсуй лишь с улыбкой покачала головой, так и не открыв своих желаний. Раньше Чжэнь Вэньцзюнь полагала, что та скрывает свои пристрастия и антипатии лишь ради того, чтобы другие не могли разгадать её замыслы и использовать её слабости. Но теперь, когда они уже разделили ложе и познали блаженство единения, став самыми близкими людьми, Вэй Тинсуй оставалась прежней. Видно, таков уж был её характер.

Чжэнь Вэньцзюнь не стала больше докучать расспросами, а принялась подмечать, куда устремлялся взор Вэй Тинсуй, крепко запоминая каждую вещь, на которой та задерживала взгляд дольше обычного.

Они обошли весь Восточный рынок, однако лицо Вэй Тинсуй с каждым шагом становилось всё более сумрачным.

– Что с тобой? Неужели этот грохот праздничных хлопушек наводит на тебя тоску? – Чжэнь Вэньцзюнь заметила, что прогулка не принесла её спутнице радости, а, напротив, пролегла тревожной тенью на её макушке, и не на шутку обеспокоилась.

– Всё стало иначе, – Вэй Тинсуй созерцала беснующуюся, ликующую толпу на улицах и череду расписных увеселительных судов-хуафан, плывущих по водам крепостного рва. И на мостовых, и на палубах люди предавались безудержному, развратному веселью. – В годы моего детства, будь то в Жунине или в Пинцане, в первый день Нового года самым важным делом было совершение обрядов изгнания бедствий и очищения от скверны. Ранним утром моя матушка подносила всем вино из перца и кипариса, или вино Тусу¹ очищающее от болезней. Я тогда была совсем маленькой, пить вино мне не позволялось, и я лакочилась лишь персиковым отваром. И всякий раз, когда я пила этот отвар, со двора доносился грохот бамбуковых хлопушек, которые поджигали мой старший и второй брат. То были самые любимые мгновения во всём году. А стоило хлопушкам отгреметь, как наступал черёд обходить родственников и друзей с новогодними поздравлениями. После визитов следовали обряды по изгнанию злых духов, и это не прекращалось до самого конца первого месяца. А сейчас... кажется, людям до этого больше нет никакого дела.

¹Вино Тусу (桃枝酒) – традиционное вино с добавлением целебных трав, которое пили на Новый год для изгнания болезней

Чжэнь Вэньцзюнь отозвалась:

– Должно быть, виной тому непрекращающиеся войны последних лет и вечные распри в правящей семье. Когда каждый день может стать последним, люди, едва обретя долгожданную передышку, стремятся лишь к тому, чтобы ловить миг и предаваться безудержным утехам.

Вэй Тинсуй холодно усмехнулась:

– Оттого вокруг и творятся столь чудовищные, немыслимые вещи.

На палубе самого роскошного расписного судна посреди реки веселились больше двадцати молодых мужчин и женщин. У того, кто стоял в самом центре, нефритовый венец на голове съехал набок, а глаза были намертво повязаны красной шёлковой лентой. И в этот холодный первый месяц года он стоял с распахнутым настежь воротом, обнажая грудь, так что у любого честного прохожего от одного взгляда на него мурашки бежали по коже. Сомнений не

оставалось, что этот повеса только что наглотался дурманящего «Порошка Фужун».

Растопырив руки, этот безумец метался из стороны в сторону, пытаясь поймать кого-нибудь вслепую. Окружавшие его мужчины и женщины нацепили на лица уродливые маски призраков, и стоило его ладоням коснуться кого-то, как по реке разносился дружный визг и хохот. Долгое время повесе не удавалось никого сцапать, и, рассвирепев, он резко развернулся и совершил отчаянный прыжок назад. Обхватив руками подвернувшуюся молодую барышню, он вместе с ней, оглашая воздух дикими криками, с грохотом рухнул прямо в ледяные речные воды.

– Ты знаешь, кто этот человек? – спросила Вэй Тинской у Чжэнь Вэньцзюнь, глядя на повесу, который уже сорвал в воде красную ленту и вовсю хохотал, сжимая в объятиях ту самую барышню.

Чжэнь Вэньцзюнь одним взглядом ответила: «Понятия не имею».

– Его зовут Линь Даюань, второе имя Цзылинь. Он принадлежит к семье покойного Великого министра налогов Линь Цюаня. И сейчас он считается весьма именитым гением.

– Он?! – Чжэнь Вэньцзюнь подумала, что ослышалась. Этот безумец, который устроил потасовку в воде и не отпускал девицу на потеху беснующейся толпе на берегу, пользуется доброй славой?

– Да, именно он. Буквально на днях мы с Императрицей, изменив облик, посетили одно философское собрание цинтань. Многие сановники уже давно твердят, что эти беседы губят государство. На одно такое сборище изводят сотни свежих плодов и тонны зерна, траты просто немыслимые. А те, кто величает себя «великими мужами», ради подражания былым мудрецам и бунтарства на публику творят вещи одну позорнее другой. Императрица давно не бывала на подобных встречах, вот и увлекла меня с собой, переодевшись в платье знатных детей, прямиком в поместье Линь. А собрания в доме Линь дело нешуточное, их устраивает нынешний глава Ведомства малых дел Линь Пэн, и это самое известное место для философских споров в Жунине. Линь Даюань как раз приходится этому чиновнику законным сыном. Он тоже был там. И угадай, что мы с Императрицей увидели?

– Что же?

– Этот Линь Даюань вошёл в зал в традиционном длинном одеянии, сел перед всеми, бесстыдно раздвинув ноги, и повернулся лицом к гостям.

Чжэнь Вэньцзюнь не поверила собственным ушам.

В Великой Юй обычаи строго предписывали, что если ты облачён в традиционное длинное одеяние, а не в узкие штаны, под полами одеяния нет никакого белья. Поэтому благородные мужи всегда чинно преклоняли колени перед низкими столиками. Когда ноги затекали, они опускали таз на пятки, чтобы унять онемение. В тот день Линь Даюань был именно в традиционном одеянии. Что означало сесть перед всеми, раздвинув ноги? То, что предстало чужим взорам, могло осквернить глаза любого приличного человека.

Чжэнь Вэньцзюнь аж перекосило от отвращения:

– И... и ты с Императрицей это увидели?

– Не то слово «увидели». Императрица едва сдержалась, чтобы тут же не изрубить этого

подлеца на куски. Нас обеих так затошнило от этой мерзости, что мы сразу вернулись назад, даже слушать ничего не стали.

Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно её понимала: окажись на их месте кто угодно, у него возникло бы то же желание.

– И ради чего он так бесстыдствует?

– Таковы нынешние нравы. Бунтовать ради самого бунтарства, выдавать откровенное бесстыдство за величие духа, – Вэй Тинсуй горько усмехнулась. – Знай ушедшие в мир иной святые мудрецы, в какой хаос погрузится подлунный мир, бог весть, чтобы они почувствовали. Некоторые вещи сгнили у нас в самом корне.

Они выходили со двора в надежде вдохнуть праздничного новогоднего веселья, а вернулись, собрав лишь охапку чужих безумств и тревог.

Стоило им переступить порог поместья Вэй, как Чжэнь Вэньцзюнь в мгновение ока куда-то испарилась. Вэй Тинсуй спросила у Сяохуа, куда та делась, и помощница ответила, что едва они вернулись, как она оседлала Юньчжун Фэйсюэ и умчалась прочь, даже не обмолвившись о цели поездки.

Вэй Тинсуй не стала тревожиться. Стоило немного подумать, и стало ясно, что у этой обезьянки снова созрела какая-то проказа.

И впрямь, не прошло и получаса, как Чжэнь Вэньцзюнь победоносно вернулась назад. Она скакала верхом на Сяосюэ, а позади неё катилась крытая повозка.

– Что это ещё такое? – окликнула её Сяохуа у самых ворот.

– Подарок для Тинсуй, – Чжэнь Вэньцзюнь с азартом соскочила на землю и велела кучеру бережно выгружать добро.

«Тинсуй...» – это ласковое имя заставило Сяохуа на миг растеряться.

Пиалы и блюда с изящным узором «колотый лёд», напоминающим застывшую зимнюю стужу; яблочная карамель на палочках, перед которой не могли устоять ни малые дети, ни сама Вэй Тинсуй; бронзовый подсвечник в виде золотых ветвей, способный одной лишь свечой озарить половину ночного неба... Всё это были те самые вещицы, на которых Вэй Тинсуй сегодня задерживала взгляд. Чжэнь Вэньцзюнь запомнила их, повернула коня назад, скупила всё до единой и привезла целую телегу подношений.

Извозчик вместе с Сяохуа бережно расставили покупки в Бамбуковой обители, явив их пред взором Вэй Тинсуй.

Хозяйка дома смотрела на это великолепие, не говоря ни «нравится», ни «не нравится». Она лишь с улыбкой вздохнула:

– Наша Вэньцзюнь воистину повзрослела, раз научилась пускать в ход такие хитрые уловки.

– Никакие это не уловки! – обиделась Чжэнь Вэньцзюнь. – Я ведь потратила на эти новогодние дары все свои сбережения, как у тебя язык поворачивается назвать это уловками?

– Все свои сбережения? Насколько мне помнится, у тебя скопилось не меньше нескольких

сотен тысяч таэлей.

– Я потратила все свои карманные деньги! А те сотни тысяч – это великая ценность, их нельзя растрачивать по пустякам.

– О? И как же ты намерена ими распорядиться?

– Разумеется, пустить их в оборот, чтобы деньги делали деньги. Будь то золото или серебро, если они просто лежат мёртвым грузом в сундуках, то лишь занимают место. Даже если обратить их в стопки пергаментных векселей, они не принесут дохода. Их нужно пустить в правильное русло, чтобы богатство множилось само собой.

Куда больше, чем телега с безделушками, Вэй Тинсуй увлеклась её талантами к приумножению капитала, а потому пригласила её в покои, чтобы обсудить это дело без лишних ушей.

Сяохуа пребывала в растерянности. Прежде она, не задумываясь, сразу приготовила бы чай или вино, разложила по тарелкам изысканные сладости и принесла всё в спальню, чтобы остаться подле хозяек, ухаживать за ними и вовремя наполнять чаши.

Но теперь слова «обсудить без лишних ушей» приобрели совсем иной, двусмысленный оттенок. Сяохуа не была уверена, что именно госпожа подразумевает под этим «обсуждением», и нужно ли ей вообще соваться туда со своими услугами.

Она так и застыла на месте, колеблясь. Пройдя несколько шагов, Вэй Тинсуй заметила, что помощница не следует за ними, обернулась и спросила:

– В чём дело?

Только тогда Сяохуа окончательно удостоверилась, что в этот раз госпожа действительно намерена заняться государственными делами, а не целоваться до припухших губ.

– Эта служанка сейчас всё приготовит.

Пока Сяохуа ходила за чаем и угощениями, Чжэнь Вэньцзюнь и Вэй Тинсуй уже вошли в покои.

– Изначально Императрица хотела провести государственный отбор цюаньсюань уже в этом году, чтобы привлечь на службу новые таланты и влить свежую кровь в управление, – заговорила Вэй Тинсуй. – Суть этого отбора заключалась не только в том, чтобы выходцы из бедных семей сдавали испытания наравне с отпрысками из знатных, но и в том, чтобы позволить женщинам состязаться на одном поприще с мужчинами. Опасаясь яростного сопротивления сановников, Императрица сперва намеренно пустила слухи. И это были даже не слухи о равенстве мужчин и женщин, а лишь весть о честном отборе между бедными и знатью. Как и ожидалось, толпа чиновников тут же завалила докладами моего отца, умоляя Императрицу одуматься.

Чжэнь Вэньцзюнь не совсем понимала суть затруднений:

– Но ведь на дворе уже первый год Чжаоу, Императрица прочно взошла на престол, а Се Фучэнь и его прихвостни истреблены. Разве все оставшиеся при дворе не её верные сторонники? Почему же так много людей против?

- Именно потому, что они её сторонники, они и боятся, что она действует слишком жёстко. Попытавшись в один миг развернуть коней, которые веками неслись в одном направлении, значит рисковать тем, что повозка перевернётся и все погибнут. Говорят, под этими небесами вся земля принадлежит государю, и простому люду кажется, будто слово Сына Неба - это закон, которому никто не смеет перечить. Но они и знать не знают: чтобы огромная империя мирно двигалась вперёд, правителю приходится отдавать все силы, трижды взвешивая каждое ничтожное решение. Императрица, конечно, может проявить упрямство точно так же, как Ли Цзюй, который захотел лично пойти в поход и действительно пошёл. И если сейчас она силой издаст новый указ о наборе чиновников, возможно так всё и произойдёт. Однако в конечном счёте она повторит трагическую судьбу Ли Цзюя.

Вэй Тинсуй сделала паузу и продолжила:

- Почему высшие сановники Великой Юй сплошь выходцы из великих родов? Эта сеть плелась не один день. С тех пор как Великий Предок основал империю, на высшие посты он назначал исключительно прославленных полководцев, что прошли с ним сквозь огонь войн. Этим воителям даровали титулы гунов и хоу. Из поколения в поколение их роды множились и разрастались, а сила семей крепла. По сей день знать остаётся главной опорой Великой Юй. И если позволить безродной бедноте делить с ними власть, они, разумеется, никогда не согласятся. Стоит задеть их за живое, и их сплочённый мятеж не пойдёт ни в какое сравнение с тем, как эти саранча-бунтари «Жёлтой Земли» бездумно грызли земли империи. У великих семей в подчинении бесчисленные личные войска и легионы блестящих советников. Талантов у них пруд пруди. Подними они бунт, и двор рухнет в один миг.

- Но если всё так опасно, зачем тогда поддерживать простолюдинов?

- В этом и кроется самое главное противоречие и головная боль Императрицы. Поддержишь бедные семьи, и восстанет знать. Но если не поддержать их и вновь закрыть дорогу этой свежей крови во власть, то знатные сынки вроде Линь Даюяня так и будут занимать все высшие посты в Великой Юй. Среди этих отпрысков, рождённых с золотой ложкой во рту, слишком много бездельников. Им нет нужды учиться, они могут не ведать о долге и чести, но благодаря высокому помосту, воздвигнутому их предками, они всё равно без труда взлетают по карьерной лестнице. Ради чего им усердствовать? Зачем перечитывать горы книг? Позволить простолюдинам на равных участвовать в отборе нужно не только ради привлечения истинных талантов, но и для того, чтобы у знати появилось чувство опасности, заставляющее их стремиться ввысь. Без соперничества любое место превращается в стоячее гнилое болото.

Чжэнь Вэньцзюнь согласно закивала головой:

- Значит, у обоих путей есть свои блага и свои скрытые угрозы, и Императрица никак не может решиться.

- Новый порядок отбора - это лишь мост, по которому женщины в будущем должны войти в залы правления. Знать соотносится с мужчинами так же, как простолюдины с женщинами. Стоит нам примирить противоречия между аристократией и беднотой, и дело с допуском женщин к службе можно будет провернуть в точности по тому же образцу. Императрица намерена выстоять под этим давлением и поддержать простолюдинов. Нужно лишь, чтобы какой-нибудь безвестный офицер из низов совершил колоссальный, неоспоримый подвиг, и тогда его можно будет возвысить по всем правилам чести. Стоит один раз подать такой пример, и в будущем все преграды рухнут сами собой. Самое важное, чтобы это деяние заставило умолкнуть каждого критика, лишь тогда его продвижение по службе станет законным исключением.

До Чжэнь Вэньцзюнь наконец-то дошло:

– Значит, первоочередная задача сейчас раздобыть для этого офицера из низов возможность совершить великий подвиг. Но поскольку в Поднебесной сейчас воцарился покой и войн нет, единственное, что может безоговорочно удовлетворить всех – это заставить на бесплодной, иссохшей земле вырасти денежное дерево, способное наполнить государственную казну до краёв. Стоит провернуть такое, и у всех недоброжелателей разом отнимутся языки, что позволит нарушить старые правила и запустить реформу отбора чиновников. И дело, которое ты хочешь мне поручить именно это, верно?

Только при этих словах морщинка на лице Вэй Тинсуй разгладилась, и она мягко, ласково улыбнулась:

– Кто знает меня лучше, чем моя Вэньцзюнь. Но есть ли у тебя на примете хороший способ? Я знаю, у тебя припрятано несколько сотен тысяч таэлей, однако этих денег не хватит даже на то, чтобы один день кормить простых жителей Жунина. Нам нужно использовать эту малость, чтобы сотворить из неё золотые и серебряные горы.

– Золотые и серебряные горы... – Чжэнь Вэньцзюнь обречённо опустила на колени перед столиком, хватаясь за голову. – Твоя Вэньцзюнь, конечно, способна пустить в ход мелкую житейскую хитрость, но если ты просишь меня сотворить для тебя целую золотую гору, тут я, признаться, пасую.

– Вот как? – протянула Вэй Тинсуй. – Выходит, человек, которого выбрала я, Вэй Цзычжо, не способен ни на что выдающееся?

Чжэнь Вэньцзюнь в мгновение ока вскочила со своего места:

– Что ты сказала?

– Я говорю, – не торопясь и отчётливо повторила Вэй Тинсуй, – что мой человек, оказывается, вполне зауряден. Это меня весьма разочаровывает.

Чжэнь Вэньцзюнь рванулась вперёд, перехватила её за запястье, увлекла за собой на постель и нависла сверху. Вэй Тинсуй лишь глухо ахнула, а когда снова открыла глаза, лицо Чжэнь Вэньцзюнь уже было в волоске от её собственного.

Опираясь ладонями по обе стороны от лица Вэй Тинсуй, Чжэнь Вэньцзюнь смотрела на неё взглядом, в котором сквозила явная, будоражащая опасность:

– Ты сама меня спровоцировала. Смотри теперь не пожалей.

– О? – на лице Вэй Тинсуй застыло озёрное спокойствие, однако в глубине души эта властная дерзость взметнула целую бурю чувств. – И что же ты собираешься со мной сделать?

– Я хочу, чтобы Цзычжо твёрдо уяснила... – Чжэнь Вэньцзюнь медленно опустилась ниже, прильнув к самому её уху. Вэй Тинсуй затаила дыхание, стиснутая этой непреклонной силой и не имея возможности шевельнуться. – Твой человек сильнее и искуснее кого бы то ни было в Поднебесной.

То, что Чжэнь Вэньцзюнь внезапно посмела назвать её по взрослому имени, встревожило и взбудоражило душу Вэй Тинсуй куда сильнее, чем прежнее ласковое «Тинсуй».

- Тебе ведь нравится, когда я так тебя зову, - Чжэнь Вэньцзюнь насквозь разгадала её чувства. Она приподняла руку и шутливо щёлкнула пальцами её по щеке:

- Надо же, а лицо-то как порозовело.

- Нравится, - не кривя душой, легко и открыто призналась Вэй Тинсюй. - Я люблю сильных людей. Вот только если всё это останется лишь пустыми словами, выйдет прескверно.

- Разумеется, это не пустые слова, - перед этим вызовом Вэй Тинсюй Чжэнь Вэньцзюнь не испытала ни малейшего страха. Она резко поднялась на ноги и направилась к дверям:

- Я уже придумала, как нам поступить.

Дверь с грохотом распахнулась, отчего державшая в руках поднос с чаем и фруктами Сяохуа испуганно вздрогнула.

Сяохуа уже давно топталась снаружи, собираясь войти. Но стоило ей занести руку для стука, как изнутри донёлся характерный скрип и шорох сминаемых постельных простыней, и она со стыдом отпрянула назад.

Девушка уже готова была заткнуть уши виноградинами, лишь бы не слышать этих звуков, и как раз мучительно соображала, не пройтись ли ей пару раз по галерее, чтобы переждать бурю, как вдруг Чжэнь Вэньцзюнь сама открыла дверь.

- Премного благодарна, дальше я сама, - Чжэнь Вэньцзюнь перехватила поднос с яствами, и дверь прямо перед носом Сяохуа захлопнулась, не дав той и рта раскрыть.

- И что же ты придумала? - Вэй Тинсюй приподнялась на постели, с живейшим интересом глядя на Чжэнь Вэньцзюнь.

Будь то прежнее суровое испытание с двадцатью тысячами таэлей или хитроумный сбор зерна в Суду, Чжэнь Вэньцзюнь всякий раз умудрялась не просто блестяще исполнить поручение, но и преподнести ворох неожиданных сюрпризов. Вэй Тинсюй до безумия любила созерцать, как та с горящими глазами и азартом раскладывает по полочкам сложные задачи, и ещё больше восхищалась её дерзкой уверенностью в моменты внезапных озарений.

И в этот раз Чжэнь Вэньцзюнь снова не обманула её надежд.

- Когда мы воевали на северных рубежах, я слышала от одного боевого товарища, что в эпоху прошлой династии между Центральными равнинами и округом Суду пролежала великая торговая тропа. В те времена люди величали её «Трактом десяти тысяч направлений» - Ваньсян. Этот путь брал начало на севере в Пинцане, шёл через Суду и тянулся далеко на юг, вплоть до самого государства Люхо. В ту пору в Поднебесной царил мир, и прежний император Гао-цзу приложил все силы, чтобы расширить торговые владения: фарфор, шёлк и чай Центральных равнин нескончаемыми караванами везли по тракту Ваньсян в земли Люхо. Этот торговый путь принёс Гао-цзу несметные богатства, но вспыхнувшие следом войны, увы, полностью перерезали его. Сейчас, когда набеги варваров-ху наконец утихли, если мы сумеем ухватиться за этот шанс и вновь открыть тракт Ваньсян, в руки Императрицы хлынут не просто золотые и серебряные горы - это будет бескрайнее море золота и океан серебра.

Разумеется, об этом великом Тракте десяти тысяч направлений Чжэнь Вэньцзюнь узнала вовсе не от какого-то мифического однопольчанина, о нём в своё время ей поведала матушка. Мать рассказывала, что этот путь прорубил правитель прошлой династии Лю Хо, и потребовалось

десять лет, чтобы с огромным трудом открыть его. Вслед за этим бесчисленные торговые караваны южных стран потянулись по тракту Ваньсян к Центральным равнинам, явив миру величие эпохи, когда тысячи государств преклоняли колени перед престолом.

Конечно, каждая династия неизбежно переживает пору расцвета и годы упадка. Позже правители былых времён погрязли в пороках и безумии, и Великий Предок Великой Юй поднял войска на их усмирение, попутно полностью отрезав и забросив тракт Ваньсян. С тех пор минуло добрых две сотни лет.

В своё время покойный император Вэнь-ди тоже порывался возродить Тракт десяти тысяч направлений, однако кочевые племена Гуцян к тому моменту уже набрали силу и вели себя крайне дерзко. Они перебили всех посланников, которых Вэнь-ди отправил прорубать дорогу, вознамерившись навсегда оборвать любые связи с Великой Юй.

– Я думаю, в те времена племена Гуцян свирепствовали лишь потому, что Великая Юй только-только образовалась, и по военной мощи они мало чем уступали нам. Оттого они и осмелились перебить послов. Но теперь всё иначе. Округ Суду полностью покорён и признал себя вассалом Великой Юй, так что пересечь его земли и добраться до государства Люхо больше не составит труда. Если всё сложится, можно будет двинуться ещё дальше на юг, чтобы продавать товары Великой Юй в самые отдалённые края, – от одних этих мыслей Чжэнь Вэньцзюнь приходила в восторг. – Это деяние прославит нас в веках. Когда всё будет сделано, Императрица сможет пожаловать любой чин, и никто вслух и слова против не скажет. К тому же, стоит этой дороге открыться, как у меня появится ещё больше возможностей приумножить богатство. Мало того что государственная казна лопнет от изобилия, так ещё и наши хранилища забьются золотом до самого верха.

Эти речи Чжэнь Вэньцзюнь превзошли все ожидания Вэй Тинсуй. Она полагала, что её спутница предложит добрый способ заработка, но не думала, что тот окажется столь грандиозным, способным наполнить казну всей империи. Кто бы мог подумать, что Чжэнь Вэньцзюнь замахнётся на возрождение Тракта десяти тысяч направлений.

В этой девушке жил поистине колоссальный, безудержный азарт.

Вэй Тинсуй с нескрываемым восхищением созерцала лицо Чжэнь Вэньцзюнь, на котором уже читалась готовность немедленно ринуться в бой.

Звучи эти слова из чьих-либо чужих уст, Вэй Тинсуй сочла бы их пустой бравадой и бахвальством. Но это говорила Чжэнь Вэньцзюнь. И пусть это пока оставалось лишь замыслом, Вэй Тинсуй уже явственно почуяла сладостный вкус грядущего триумфа и воочию узрела очертания грядущей золотой эпохи.

Вэй Тинсуй произнесла:

– Если у нас всё получится, это станет воистину сокрушительным ударом, который решит сразу две задачи. Мы не просто в один миг вернём империи былую мощь, но и расчистим путь для реформы отбора чиновников.

Однако Чжэнь Вэньцзюнь не намерена была довольствоваться малым:

– Отчего же только две? Почему бы не забрать сразу три блага? С какой стати нам уступать эту славу чужакам? Я сама возьмусь за это дело, но вся честь и слава до единой крупинки официально падут на твою голову, Цзычжо. И тогда Императрица со всеми почестями возведёт тебя в чин женщины-сановника. Деньги, реформа отбора и твой чин – мы заберём всё и сразу.

Чжэнь Вэньцзюнь изливала свои замыслы единым, мощным потоком, раз за разом переворачивая всё, что до этого представляла себе Вэй Тинсюй.

Перед ней стоял истинно сильный человек. Тот самый несокрушимый духом лидер, встречи с которым она так долго жаждала и чей образ заставлял её сердце трепетать от непреходящего волнения.

Вэй Тинсюй поднялась со своего места, подошла к ней вплотную и заглянула в глаза.

Чжэнь Вэньцзюнь удивлённо вскинула взгляд:

– М-м?

– Ты намерена отправиться туда лично? – с этими словами Вэй Тинсюй опустилась прямо к ней на колени.

Эта внезапная, обжигающая близость мгновенно вскружила Чжэнь Вэньцзюнь голову. Одной рукой она бережно перехватила Вэй Тинсюй за талию, а пальцами другой нежно обхватила её подбородок:

– Разумеется, я отправлюсь сама. Столь великое и важное дело я не могу перепоручить чужим людям. Стоит им хоть в чём-то сглупить, и мы лишь впустую погубим время. К тому же...

– Я поеду вместе с тобой.

Чжэнь Вэньцзюнь, которая к тому моменту уже успела уткнуться лицом в её грудь, впитывая родной аромат, от этих слов мгновенно протрезвела и резко вскинула голову:

– Что ты сказала?

– Я говорю, что отправлюсь в это опасное путешествие вместе с тобой, – отчётливо повторила Вэй Тинсюй, чтобы та поняла, что слух не обманул её.

– Но Цзычжо, это дело таит в себе неописуемые опасности! В этих диких южных землях разбойников пруд пруди, и пусть даже округ Суду признал нашу власть, варварскую натуру из них так просто не вытравить! Что уж говорить о государстве Люхо, Центральные равнины были отрезаны от него целых две сотни лет, и бог весть, во что превратились те края. А вдруг там живут такие же кровожадные, не знающие пощады дикари, как в Чунцзине, что пожирают сырое мясо и пьют тёплую кровь?

– Хватит, не продолжай, – прервала её Вэй Тинсюй. – Когда-то я обещала тебе, что больше никогда не позволю тебе ввязываться в опасные авантюры, но, как видишь, снова нарушила своё слово. Однако я больше ни за что на свете не пущу тебя навстречу гибели в одиночку. Вэньцзюнь, я не стану обузой и не доставлю тебе хлопот в пути, просто возьми меня с собой.

<http://bllate.org/book/17227/1994448>